

Валерий ШЕЛЕГОВ

Канск

Валерий Николаевич Шелегов родился 13 декабря 1953 года в Канске. В 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. В 1996 году вернулся на родину, в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька — добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг «Ленские подснежники»,

«Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» в 2008 году отмечена Союзом писателей России — национальной премией «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Член Союза писателей СССР.

ЗАКОНЧИЛАСЬ СОВЕТСКАЯ ЭПОХА

Дом в деревне. Сельский фельдшер. Муж и жена — два сапога пара. Жанна Вдовина, жена сельского фельдшера, в преклонных годах напоминает старую дворовую суку на цепи, верную хозяйину, которая по привычке лает на соседа много лет, когда тот зовёт её мужа с улицы за калиткой. Большинство мужиков, потерянные до обретения семьи, женившись, довольно быстро становятся ярким отражением женской глупости своих жён. А если этот мужик ещё и кропает стихи, туши свет в его биографии.

Давно это было. Подженился Коля Вдовин на вдове старше себя. Ухаживал Коля за дочкой вдовы Кобылиной, а попал под чары её мамы, Людмилы Петровны, работавшей преподавателем медицинского училища, куда Коля поступил учиться на сельского фельдшера. Окончил сельскую школу Коля Вдовин в деревне на Алтае. В школе Коля Вдовин начал кропать стихи. Не бросил он это пагубное занятие и в Барнауле.

Вдова Кобылина оценила талант будущего зятя-стихотворца и, изучив себя внимательно в зеркало, вдруг решила, что для дочки ещё жених не родился, успеет замуж, а Коля Вдовин ей будет впору. Певица Пугачиха отхватила грудного младенца себе в мужья — пародиста Галкина, бабушка

старше на сорок лет. И ничего, живут. Детей «из пробирки» завели. В двадцать лет рослый Коля Вдовин смотрелся вполне зрелым «женихом». Угрюмый, правда, парень, с изрытым в отрочестве оспой лицом под рыжей щетиной. В пятилетнем возрасте Коля Вдовин переболел ветрянкой, оттого кожа на его лице осталась на всю жизнь похожей на истыканное шилом мурло. Вот и прятал Коля Вдовин рыжей бородкой эти метины «шилом», оставшиеся от ветрянки. А рыжим путь в рай заказан. Жить достойно здесь и сейчас — рыжим и в голову не приходит, когда кропаешь стихи. Часто нет профессий, средств на жизнь. Деваться некуда. Подберёт такого «стихотворца» какая-нибудь одинокая бабёнка. Вот и изнывают они в тоске от упрёков своих благодетельниц, не имея возможности даже купить на свои кровные, заработанные, рубаху и белые штiblеты к мятым бязевым светлым брюкам. Попал и Коля Вдовин в такую «золотую клетку». И быстро ему такая сытая жизнь надоела. А как сбежишь? Выход один — стать горьким выпивохой. И Коля Вдовин стал часто отлучаться к пивному ларьку, к местным мужикам. Простой народ в Барнауле любит поэтов, понимает толк в стихах, и в русских народных песнях разбирается пьющий народ, в пиво и водочку плескают, чтобы жёг поэт стихи сладкогласно.

— Мужики, похмелите!

У пивной точки ещё до открытия народ роился после ночи. Шли вчерашние друзья за кружкой, где-то добывали чекушку самогонки и несли эту вражью росу, чтобы помочь избавиться от душевных страданий таким же бедолагам, как и сами. Впервые Коля Вдовин попросил студентов налить и ему:

— Не бесплатно! Я вам читаю стихи, если нравятся — нальёте. Если нет — суда нет.

— Пошёл ты, — погнал Колю студент.

Девицы были в компании.

— Читай, — разрешила подруга сердитого студента.

— Злодей, в личине православного пророка... — начал своё горловое чтение Коля Вдовин.

— Постой, — остановил сердитый студент. — Похмелись. Потом продолжишь.

Так Коля Вдовин разделил свою судьбу у пивного ларька с благодарными тружениками города Барнаула. Вдова Кобылина недолго терпела «спивающегося поэта». Сняла уздечку невольника-сожителя с вольного коня, выгнала на улицу Колю Вдовина, когда у дочери родилась внучка, а зять осудил сожительство старухи с молодым жеребцом.

Нехватка врачей — извечная на вольных просторах Отчизны. По законам государства обязательно надо отработать три года сельским фельдшером. Коля Вдовин успел окончить медицинское училище, пока жил с Людмилой Кобылиной. Призвали в армию Колю Вдовина из фельдшерского пункта. Поселился Коля Вдовин в далёком алтайском селе, на границе с Монголией. По Чуйскому тракту привезли новобранца Колю Вдовина в Барнаул. А из Барнаула военный эшелон с новобранцами привёз Колю Вдовина медбратом в Иркутск. Стихи кропать Коля Вдовин продолжил на службе и в полковом медпункте. Завершал службу в Советской Армии Коля Вдовин уже нештатным корреспондентом дивизионной газеты «Танковый удар». Возвращаться в Барнаул не пожелал.

В Иркутске Коля Вдовин появился в купеческом особняке на улице Степана Разина в дождливую последнюю пятницу сентября. Появился в Иркутском союзе писателей «известным молодым поэтом», благодаря большой подборке своих стихов в «Красной звезде». Пути Господни неисповедимы! Пожилая поэтесса Зинаида Упоротая взяла шефство над молодым поэтом. А чтобы шефство это стало зримым, поселился Коля Вдовин жить у поэтессы в загородной даче на Чёрной речке под Иркутском. Дачу построил муж поэтессы — певец Байкала по совместительству, капитан речного буксира «Бизон» Василий Егорович Упоротый.

Капитан Упоротый к тому времени умер. Но осталась дача от капитана-речника. Дача с надстройкой в виде капитанской рубки. В рубке штурвал, всё чин по чину, как положено на корабле. Кирпичная труба от камина в нижней

комнате дачи поднималась одним боком в капитанскую рубку и добре грела капитанскую рубку кирпичным теплом от огня из камина. Поэтесса Зинаида Упоротая в рубку не поднималась по крутой винтообразной лестнице, дневала и старчески дремала ночами под леопардовым шерстяным пледом в кресле-качалке у горящего камина. В камин подкладывала короткие берёзовые полешки в огонь, а молодой поэт Коля Вдовин писал стихи за штурвалом в капитанской рубке. Там же и ночевал, лёжа на откидной «шконке», превращая поэтические мечты в сон, валяясь в романтической капитанской каюте. Весело жилось и беззаботно. Хлеб и куриные яйца поэтесса Упоротая покупала сама в дачном посёлке в лавке. Дачный земельный участок летом не пустовал. Зинаида Упоротая выросла тоже, как и Коля Вдовин, в иркутской деревне. Детей от капитана-речника, певца Байкала, не осталось у поэтессы Зинаиды Упоротой. Да и звал её капитан-речник всю жизнь Зинкой. Своему капитану-мужу она посвятила крылатые строки:

Кто варит для мужа галушки,
Подобна лягушке в сметане.
От долгих совместных скитаний
Сбивается масло к галушкам,
Но жизнь утопает в стакане
С лягушкой у высохшей лужи.

Так и случилось с капитаном речного буксира, певцом Байкала. Спасибо, осталась дача. Зинаида Упоротая стихи писала и в зрелом возрасте. Молодая кровь Коли Вдовина волновала творческий дух пожилой женщины. Волнение это до дрожи в руках одолевало пожилую женщину, когда она жарила на свином солёном сале картошку с дачного участка. Потом накрывала стол у камина. Коля Вдовин спускался с поэтических высот из капитанской рубки. Всегда молчаливый и суровый, Коля Вдовин трепал пальцами задумчиво рыжую и аккуратную бородку, которую он постоянно обчикивал ножницами, следил за ней, как гимназистка за кружевными белыми подзорами на фартуке и

воротничке. От такой глубокой задумчивости Коля Вдовин часто забывал, где он и кто с ним рядом. Вот и на этот раз, присев к сковороде с жареной картошкой, Коля Вдовин стал вспоминать мамкин дом на Алтае, печной берёзовый дымок от камина распалил воображение. И Коля Вдовин не заметил, как опустошил чугунную сковороду от жареной картошки. Зинаида отлучалась от камина на «корму» дачи, в заднюю пристройку дома, захотелось ей маринованных огурчиков к жареной картошке. С улицы, со стороны, дача смотрится в форме речного буксира. В «корме» дачи, под полом, вырыт глубокий погреб капитаном речного буксира, по совместительству певцом Байкала. Само дачное строение было такой красоты, что легко верилось: создатель этой красоты так же красиво и воспевал Байкал. Так оно и было! Вернувшись к камину, Зинаида обнаружила сытно икающего Колю Вдовина.

— А где картошка?! — наивно удивилась Зинаида.

— Не заметил, съел.

— А я?! Я же тоже голодная! Ты почему обо мне не подумал?!

Поэт несколько не опасен, пока его не разозлят. Ах, как прав Коля Рубцов. А если ещё этот поэт — женщина, воспевавшая галушки во имя святой любви к мужу?! Да в гневе такая женщина — в гроб краше укладывают! Так страшна.

На дворе смеркалось. По расписанию пассажирский автобус из Иркутска уже подъезжал к Чёрной речке.

— Катись отсюда, чёрт, с рылом, шилом писанным! — схватила Зинаида кочергу из металлического прута.

Всё же поэт она выдающийся! Какой портрет — картина маслом! Одним предложением запечатлела на века для потомков образ поэта Коли Вдовина. Мысли о мамкином доме, берёзовый дымок из камина — как сон в руку. И недели не прошло, как Коля Вдовин очутился на Алтае. Закончилась советская эпоха.